

HANDMADE STORY. ИСЦЕЛЯЮЩЕЕ ЧТЕНИЕ

ЖЕНЯ БУШЕ

Чужие мерки

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Иллюстрации на обложке
и во внутреннем оформлении: Женя Буше

Буше, Женя.
Б94 Чужие мерки / Женя Буше. — Москва : Эксмо, 2026. —
320 с. — (Handmade story. Исцеляющее чтение).

ISBN 978-5-04-246155-2

1907 год. Эмма живет в угасающем английском поселке и мечтает стать модисткой, но общество единодушно утверждает: женщина должна жить смирением и долгом. Увидев в обаятельном джентльмене шанс на новую жизнь, она отправляется за ним в Манчестер — но город ослепительных витрин и фабричного шума встречает не только с обещаниями лучшей жизни. Хватит ли Эмме упорства и веры в себя идти к мечте или она про-должит выкраивать собственную судьбу по чужим меркам?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Женя Буше, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-246155-2

Глава 1 ВСТРЕЧА

Снизу слышался шорох. Эмма резко отпрянула от окна и бросилась к кладовой, схватив корзину с бельем. В дверях замерла, прислушалась... Нет, показалось. Она снова нырнула за штору и глянула в обе стороны.

Вот уже две недели Роберт Уоллер писал ей записки, но сегодня вдруг — тишина. По дороге в гостиницу сломался экипаж? Нашел римские монеты где-то еще? Задержали дела, связанные с древней крепостью? С коммерцией? Или... он просто потерял интерес?

Эмма затруднялась оценить свою привлекательность. Когда она училась, одноклассницы держали себя с превосходством, да и было от чего: уезжая на праздники по домам, они надевали шуршащие шелковые платья, где даже один метр кружева стоил как четверть месячного жалованья учителей. Эмма же носила только форму, выданную школой, — сперва как ученица, потом как служащая. И в ней она себя видела

слишком простой, даже бесцветной. Будто краска выгорела с лица: кожа прозрачная, губы бледные, глаза светлые, голубые. Еще и веснушки разъедали черты. А Эмма любила насыщенность и контрасты. Фиолетовое небо перед рассветом или сочная зелень папоротников, алый шиповник, бархатно-синяя черника — вот в чем она видела красоту. Она мечтала о платьях, как мечтают о волшебстве доброй феи: взмах палочки — и дурнушка станет королевой бала.

Можно было взять часть из накопленных денег и купить бархата или шелка. Но что, если не получится? Материю сложные — не шерстяное сукно и ситец, с которыми она привыкла работать. Легко испортить. Да и деревенское общество осудит за такое транжирство: Питсмур зарастал бурьяном, стены плесневели, появлялось все больше заколоченных окон. Мужчины разъехались по городам на заработки, забрав мальчишек-подростков с собой подмастерьями. Остались старики и крестьяне, чье многочисленное потомство не отпускало их в город, чтобы устроиться лучше, и они тянули на себе всю работу в поле, дома и со скотом. Даже директриса школы одевалась скромно, хотя в пансионе учились девушки из обеспеченных семей. И вообразить только: Эмма вдруг выйдет в бархате! Да и куда выходить? В Питсмуре не осталось ни чайной, ни хоть сколько-нибудь ухоженного сквера.

Уоллер же имел внешность яркую: высокий, широкоплечий, лицо холеное, черты правильные, взгляд

гордый. Держался он с небрежностью горожанина, который приехал на отдых: одет с лоском, белокурые волосы напомажены, на брюках — щегольские стрелки. А главное — он несколько раз как бы между прочим упомянул Эмме, что холост. Поэтому каждый вечер, когда они вдвоем прогуливались в роще за рекой, куда Уоллер звал в своих записках, Эмма лучилась счастьем и несколько смущалась.

Пансион располагался на отшибе. От школьных ворот до площади тянулась длинная дорога через пустырь. Вторая шла в обход, за старыми садами. Она петляла между заборами и выходила к мосту, который вел за реку. По ней обычно и бегал мальчик-посыльный. Он отдавал записку садовнику, у того Эмма ее и забирала. Но сегодня мальчишка задерживался, а садовник уже ушел.

Снизу раздались голоса. Из дверей школы цепочкой выходили ученицы и сворачивали на задний двор. Эмма нахмурилась: как не вовремя... Ладно хоть директриса сейчас в городском управлении, а перед учителями она сможет оправдаться за записку «делами по службе». Но когда в дверях показалась сама миссис Фергюсон, Эмма замерла. Взгляд заметался между дверями и дорогой. И в этот момент за забором сада что-то мелькнуло. Кепка?... Мальчишка!

Эмма бросилась по коридору к лестнице. Сбежала вниз, перескакивая через ступени. В гостиной ей что-то сказала горничная, Эмма, не расслышав, непроизвольно обернулась и тут же налетела на сто-

лик; тот скрежетнул, а Эмма, даже его не поправив, летела дальше к входной двери.

Снаружи ее ослепил солнечный свет. Щурясь, Эмма увидела, как у ворот миссис Фергюсон приняла что-то из рук мальчишки и повернулась — медленно, будто и не человек вовсе, а деревянный манекен. Эмма сама не в силах была пошевелиться и наблюдала, как директриса к ней приближается. Только когда они поравнялись, Эмма потупила взгляд.

— Будьте любезны сейчас же зайти в мой кабинет, — сказала миссис Фергюсон медленно, чеканя слова. — И приберите волосы. Здесь вам не улица.

— Да, мэм.

Кабинет директрисы располагался на первом этаже коттеджа. Просторный, почти пустой, с опущенными гардинами и стенами, обшитыми темными панелями, он с детства запомнился Эмме холодной строгостью. В центре стоял письменный стол. За ним во всю стену протянулся шкаф с выстроенными по цвету книжными корешками. Напротив висел портрет ее величества королевы, и он был единственным украшением комнаты.

Миссис Фергюсон сидела за столом в кресле. Эмма стояла напротив, разглядывая носки своих туфель. Между шторами прорезался узкий солнечный луч и падал на ковер.

— Здесь — храм чистоты и благопристойности, — сказала директриса. — Я думала, в вас достаточно здравого смысла, чтобы не допустить подобной вуль-

гарности. Просунул через ворота, как какой-нибудь... прачке! Заберите.

Она положила на стол свернутый в несколько раз листок. Эмма, не поднимая глаз, взяла записку и снова отошла.

— Простите, мэм.

— Слухи расползаются как плесень, мисс Морис. Оглянуться не успеете — и весь дом пропахнет сыростью. Разве я этому вас учила?

— Нет, мэм.

Далее миссис Фергюсон пустилась в наставления, которые Эмма знала и так: моральный облик школы строится на соблюдении правил приличия, поэтому защищать нравственность учениц — ее долг; для девушек должно быть неприемлемо получать записки неизвестно от кого через решетку ворот.

Эмма слушала и сжимала записку в руке. Какое ей дело до учениц? У них уже и так все есть. Покинут школу — деньги позволят им выбрать любую жизнь. Художественные колледжи и прикладное искусство — если пожелают учиться дальше. Путешествия — пожалуйста. Мода, история — все им доступно. Свободного времени — хоть отбавляй. Открыть свой салон — легко! Если же общество их не интересуется, то смогут посвящать дни напролет любимым увлечениям. А Эмма завтра, как и каждый день, снова наденет рабочий фартук только потому, что кому-то даны возможности при рождении, а ей — нет. И если записка может изменить ее будущее, велика ли разница, через

ворота она передана или через официальную школьную почту?

Когда же Эмма услышала, что назначается в субботу работать в палатке на рыночной площади, она резко вскинула голову. Это же напротив гостиницы «Белый пони»! А ведь Уоллер остановился там... Она живо представила его лицо, искаженное гримасой, когда он застанет ее за штопкой чужих панталон.

— Но в субботу вы дали мне выходной! — воскликнула она.

— Выйдете замуж и будете отдыхать, сколько вздумается. А пока вы здесь — будьте готовы работать. Да, еще: в чулане на полках опять беспорядок. Сегодня же разберите.

Мгновение Эмма смотрела на директрису, потом холодно произнесла: «Как скажете, мэ», — развернулась и вышла.

Она взбежала по лестнице, заперла дверь своей комнаты. Развернула записку. В ней изящным почерком значилось: «Жду на прежнем месте. Ваш Роберт». От подписи дыхание перехватило: Уоллер впервые подписался только именем.

Эмма достала из комода новую блузку из крепса цвета слоновой кости — мягкого белого с теплым желтым подтоном. Этот оттенок шел к ее коже, в отличие от стерильной белизны школьных рубашек, и даже веснушки, казалось, меньше бросались в глаза. Ткань эту Эмма берегла давно и долго ничего из нее не шила, но после знакомства с Уоллером решила, что «особенный

случай» настал. За неделю, сидя ночью при свечах, она выкроила модель с ажурным вырезом горловины и узорами на рукавах, которые расшила стеклярусом в тон и шелковыми нитками. Работа вышла изящной. Эту блузку Эмма сейчас и надела.

В комнате ее стояли два массивных шкафа, забитые старыми книгами, которые были исключены из школьной библиотеки как слишком ветхие или неактуальные. Эмма как-то спросила позволения их перебрать, чтобы освободить место под выкройки и журналы. Но директриса интерес к моде не одобряла. «Какой бы красивой ни выглядела ваза, — ответила она тогда, — внутри нее пустота». И порекомендовала вместо демонстрации собственных форм направить силы на развитие красоты внутренней, а именно скромности и ответственности, готовности помогать, верности принципам и умению управлять своими эмоциями — того, что она повторяла каждый день на уроках. Так и осталась Эмма с одним-единственным комодом, в котором помещалась вся ее жизнь: страницы журналов с моделями платьев, эскизы, узоры для вышивки, а самое дорогое — отрезы тканей и кружев, которые она бережно хранила на будущее.

В бухгалтерской книге Эмма числилась кастеляншей — заведующей бельем и одеждой. Из сорока свободных мест в школе на полном пансионе жили только пятнадцать девочек, но даже при этом некогда было передохнуть. Во время занятий девочки носили форму. Чепчики, платья и фартуки менялись еженедельно,

а чулки, отложные воротнички и накрахмаленные манжеты — два раза в неделю. Кровать заправлялась сразу тремя простынями: нижняя плотно прижимала тонкий шерстяной матрас к соломенному, сверху стелилась еще одна, а на третью клали одеяло, и постель полагалось менять раз в неделю. Горничные приходили каждый день, прачки — по понедельникам. Эмма разбирала чужое белье вместе с ними и фиксировала все в книгах учета — то была скучная и кропотливая работа, которую она не любила.

Но более всего Эмма тяготилась штопкой на заказ. Ремонт верхней одежды и ситцевых платьев, подшив юбок или, напротив, отпуск длины для выросшего ребенка, сорочки и, что унизительнее всего, — исподнее. Сельчанки шить не умели, а отремонтировать было дешевле, чем покупать новое. Раньше этой работой занимались белошвейки, которых в Питсмуре было полно, пока действовала угольная шахта. Поселок тогда бурлил жизнью. Но когда шахта обвалилась, а новая открылась в соседнем городе, Ньюкасле, мужчины перебрались на заработки туда. Даже подростков пристраивали там. Лавки, конторы и мастерские — все покинули Питсмур, а вслед за клиентами уехали белошвейки. Тогда миссис Фергюсон ухватилась за дополнительный доход. Она включила в обязанности Эммы на субботних базарах помимо продажи рукоделия учениц еще и чинить одежду. И Эмма подчинилась.

А в это время Уоллер, холеный, сияющий, рассказывал о роскоши городской жизни, о театрах и ресторанах, называл известные всей Англии фамилии, между прочим упоминая, что с тем у него дела, тот ему должен, а этот заискивает, будто он, Уоллер, вхож вообще во все лучшие гостинные. Могла ли Эмма признаться, что штопает чужие панталоны? Что разбирает белье вместе с прачками, что у нее всего три нарядные блузки, а вышивала она их собственными руками? Что пахнет она лавандой не оттого, что любит ароматическое масло, а потому, что такой отдушкой в кладовке пытаются перебить запах старья? Поэтому многое Эмма умалчивала, от вопросов про службу мягко уходила, где-то переводила разговор на своего спутника, где-то загадочно улыбалась, предлагая додумать ответ самому, и при этом крутила ручку зонтика от солнца — шелкового, ажурного, который тоже расшила сама; вещица получилась тонкая и изящная. Разве может ее обладательница выполнять работу низкую, недостойную леди?

В этот раз Уоллер ждал Эмму в тени сосен, и его белоснежный костюм резко выделялся на фоне темно-изумрудных папоротников. Одну руку он держал за спиной, другой опирался на трость.

Жаркое вечернее солнце пробивалось сквозь кроны деревьев и ложилось яркими пятнами на тропинку. Пахло влажной землей, смолой и медом. Чем дальше Эмма и Уоллер уходили в рощу, тем гуще станови-

лись запахи леса и тем камернее звучали голоса птиц и хлопки крыльев.

Уоллер шагал медленно, широко, вынося вперед руку с тростью. Иногда он ловко перехватывал трость посередине, и тогда на ее наконечнике вспыхивала серебряная львиная голова.

Эмма то и дело бросала на спутника взгляды. Новая блузка на ней сидела прекрасно, блестящие мыски ботинок мелькали из-под подола. Эмма игриво крутила зонтик от солнца, держа его раскрытым, несмотря на вечернее время, — он ей казался удачным дополнением к образу.

Почти всю дорогу Уоллер говорил про римские монеты и сейчас, снова перехватив трость посередине, энергично махнул ей в сторону. Серебряная голова льва на ее конце сверкнула.

— Коллекционирование, мисс Морис, — это инвестиции, — сказал он. — Ошибки в оценке могут стоить даже не шиллинги, а сотни гиней. Видел я таких умников! Сперва лезут не в свое дело, надеясь на легкие деньги, а потом жалуются, будто всюду одно надувательство. А между тем, чтобы предсказать рост стоимости, требуется умение мыслить стратегически. Интеллект и расчет крайне важны, крайне! И, конечно же, связи.

— И щедрость, хоть вы это и пытаетесь скрыть, — улыбнулась Эмма, отводя зонтик в сторону. — Те шестьдесят шиллингов, что вы дали сельскому мальчику за монеты, прокормят его семью до весны.

Уоллер посмотрел на Эмму сверху, на мгновение задержал взгляд на ее лице, словно что-то прикидывал.

— Да... обычно платят гораздо меньше. Денарии Марка Аврелия, которые он нашел, не особо ценны. Хотя на аукционе я смогу выручить по пятьдесят шиллингов за каждую.

Эмма мгновенно подсчитала в уме: триста шиллингов. Это больше ее годового жалования!

— Уверена, вы и в карты прекрасно играете, — ответила она. — Мой отец, а он тоже был человеком дела, говорил, что выгода — это следствие отличного понимания ситуации.

Уоллер живо к ней повернулся:

— Ваш отец был коммерсантом? Чем конкретно он занимался?

Эмма опустила глаза. Передвижной ларек с рынка, в котором отец кочевал от деревни к деревне, торгуя бельем и дешевым ситцем, был унизительно жалок. Хотя мама была родом из семьи священника, но она умерла рано, оставив неясные воспоминания и сказки о волшебных камнях и феях, которые рассказывала вечерами у камина.

Эмма посмотрела на рукоятку своего зонтика.

— Отец не посвящал меня. Да и, знаете, — сказала она, — женщине, наверное, не стоит лезть в такие дела. Разве это ее дело — заглядывать через мужское плечо?

Уоллер рассмеялся, сильным, глубоким голосом.

— Вы очаровательны! Но только не вздумайте заявлять об этом в Манчестере — суфражистки объявят

вас ведьмой. Однако любой здравомыслящий мужчина с вами согласится.

Эмма заулыбалась. Уже второй раз Уоллер связывает ее и Манчестер так, будто будущее для него очевидно.

— Не все девушки испорчены городом, — ответила она.

От ходьбы ее ноги распухли — новые ботинки больно жали. Под чулками кожа чесалась, тяжелая суконная юбка путалась в ногах. Эмма старалась не подавать виду: шагала легко, словно бы все происходящее доставляло ей только удовольствие. Лишь чуть жмурилась, когда под тонкую подошву попадал камень.

На тропинке показалась глубокая рытвина. Уоллер остановился и галантным жестом пропустил Эмму вперед. Его пальцы невзначай коснулись ее локтя. Движение было мимолетным, но Эмма уловила в нем больше внимания, чем требовала ситуация.

— Между прочим, — сказала она игриво, будто дело касалось шутки, — я сегодня чуть не попалась, когда... брала ваше письмо у садовника. Может, все же будете писать через почту школы? Миссис Фергюсон не станет читать, просто она любит, когда все по правилам.

Уоллер приподнял брови:

— Разве мы делаем что-то дурное? Везде давно отступили от подобных мелочей. Люди выбирают жить и дышать свободно. К тому же вдруг ваша патронесса

не станет разбирать почту вечером? Прожду вас зря. Не вижу смысла терять время.

Эмма опустила глаза.

— Вы правы... — Она прикусила губу, раздумывая. — А вы не думали съездить в субботу куда-нибудь? В Ньюкасл, к примеру. Тут снова будет скучная ярмарка. Даже не ярмарка — так, крестьянский рынок прямо на площади. В такую жару ее вовсе следовало бы отменить. Духота, наверное, будет ужасная. В Ньюкасле же — морской воздух и свежесть... Кстати, прямо у пляжа есть очень хороший паб, называется «Северное море». Его держит отец одной нашей ученицы. Говорят, холодные пироги с птицей — восхитительные. И винный погреб хорош.

— Вот и отлично. Едем туда! Заодно покажу вам место старой римской крепости.

Эмма виновато улыбнулась.

— Я очень хотела бы, но не могу. Миссис Фергюсон собирается разобрать бухгалтерские книги... ну и там... прочие документы. Но вам-то нет смысла мучиться здесь.

— Возьмите выходной!

— Простите, но в этот раз я должна быть на работе.

— Дорогая, вам необходимо развлекаться хоть иногда! У вас же здесь совершенно ничего нет! Нельзя лишать себя удовольствий, тем более в выходной. Возможно, директриса ваша не знает законов. Ну хотите... я поговорю с ней?

Эмма резко вскинула голову.